

Отчуждение населения от участия в национальных доходах: прошлое и настоящее

Н.И. ЛАПИН*

* **ЛАПИН Николай Иванович** – член-корреспондент РАН, главный научный сотрудник, руководитель Центра изучения социокультурных изменений Института философии РАН. Адрес: 109240. Москва, Гончарная ул., д. 12, стр. 1. E-mail: Lapini31@mail.ru

В статье обращается внимание на социогуманитарную обоснованность спецификации прав собственности, учитываемых неоинституциональной теорией экономики, включая право на доход (право обладать полученными результатами), и на недостаточность трехчленной формулы прав собственности (владение, пользование, распоряжение), которая позволяет не учитывать право граждан как физических лиц на участие в доходах от использования национального имущества, то есть позволяет институционализировать отчуждение граждан от этого права. Это ведет к росту имущественных и иных социальных контрастов между сверхбогатыми и бедными слоями населения в недостаточно развитых странах с низкой оплатой труда, в том числе в России. Рассматриваются возможности преодоления такого отчуждения.

Ключевые слова: отчуждение, права собственности, национальное имущество, имущественное расслоение.

DOI: 10.31857/S086904990007584-4

Цитирование: Лапин Н.И. (2019) Отчуждение населения от участия в национальных доходах: прошлое и настоящее // Общественные науки и современность. № 6. С. 40–54. DOI: 10.31857/S086904990007584-4

Работа выполнена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (грант № 18-011-00386а). Использованы положения доклада автора на IV Международном конгрессе “Экономика как объект междисциплинарных исследований” (14–16 мая 2019 г., МГУ, Москва).

Alienation of Citizens from the Right to Participate in the Proceeds of the Use of National Assets and Possibilities to Overcome It in Russia

*Nikolai I. LAPIN**

***Nikolai I. Lapin** – D. Sc. (Philosophy), professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Chief Researcher, Head of the Center for the Study of Socio-Cultural Changes, Institute of Philosophy of the RAS. Address: Bd. 1, 12, Goncharkaya street, Moscow, Russian Federation, 109240. E-mail: Lapini31@mail.ru

Abstract. The author draws attention to the socio-humanitarian validity of the specification property rights included neo-institutional theory of Economics (Nobel Laureate Ronald Couse, the list of property rights 11 A. M. Honore), including the right to income (the right to possess results), and failure three-article formulas property (possession, use, disposal), which allows you to ignore the right of citizens as individuals to participate in the proceeds of the use of national property, i.e., enabling the institutionalized alienation citizens from this right. This leads to increased economic and social contrasts between the super-rich and the poor in underdeveloped countries with low wages, including in Russia. Examine how to overcome this alienation.

Keywords: alienation, property rights, national property, property stratification.

DOI: 10.31857/S086904990007584-4

Citation: Lapin N. (2019) Alienation of Citizens from the Right to Participate in the Proceeds of the Use of National Assets and Possibilities to Overcome It in Russia. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no. 6, pp. 40–54. DOI: 10.31857/S086904990007584-4 (In Russ.)

Проблема отчуждения человека от своей деятельности и ее результатов – одна из сложнейших в истории человечества. Ее классические постановки и опыты решения содержатся в “Феноменологии духа” Г. Гегеля и в “Экономическо-философских рукописях” 1844 г. К. Маркса. Гегель выявил ее в сфере духа, а Маркс положил начало осмыслиению ее генезиса и сущности целостно, во всей реальной жизни человека, прежде всего в труде, сконцентрировав внимание на *отчуждении труда* как комплексного процесса, который включает как *самоотчуждение* человека, так и многообразие видов *принудительного отчуждения*, в том числе от доходов как результатов труда.

С позиций критического гуманизма

Перспективу снятия отчуждения Маркс видел в движении к “реальному гуманизму”. Принцип теоретической работы в русле этого движения он сформулировал уже в 1843 г., при формировании программы “Немецко-французского ежегодника”: “Преимущество нового направления как раз в том и заключается, что мы не стремимся догматически предвосхитить будущее, а желаем только посредством критики старого мира найти новый мир” [Маркс 1955, с. 379]. Этую теоретико-методологическую позицию можно назвать *критическим гуманизмом*. Именно на основе беспощадной критики старого мира, осуществленной преимущественно в “Экономическо-философских рукописях” 1844 г., Маркс совместно с Ф. Энгельсом создал концепт реального гуманизма, сформулировав его в 1845–1846 гг. в “Святом семействе” и в “Немецкой идеологии”.

Вскоре, вступив в тесные контакты с революционными рабочими и конкретнее уяснив предпосылки подъема рабочего движения в Англии, Маркс сделал выбор в пользу международного коммунистического движения и его борьбы за революционное ниспровержение капитализма и созидания социализма. Вместе с тем он никогда не отказывался от концепта реального гуманизма, поскольку он согласуется с социализмом как такой формой общения, таким типом общества, который отвечает потребностям рабочих и всех трудящихся. Я считаю, что в настоящее время концепт реального гуманизма может обрести “второе дыхание”, поскольку он содержит значительный потенциал гуманизма как общедемократической ценностно-мировоззренческой позиции (подробнее см. [Лапин 2018^а]). Его утверждению будет способствовать последовательное развитие принципа критического гуманизма в современных условиях.

В постиндустриальных обществах XXI в., на информационной стадии модернизации капитализма содержание рассматриваемой проблемы существенно трансформировалось.

В дополнение к наемным работникам субъект-объектами отчуждения и самоотчуждения стали *мелкие и средние собственники капитала*, прежде всего акционеры, они же инвесторы в крупный акционерный капитал. В постсоциалистической России, ориентированной на вхождение в посткапитализм, возникновение таких субъект-объектов отчуждения-самоотчуждения стало глубинным, латентным содержанием процессов внешне хаотичной, но по сути авторитарно направленной олигархической приватизации 1990-х гг. Был осуществлен реверсивно-гетерогенный (гибридный) транзит; первым его результатом стал так называемый “бандитский капитализм”, который затем, с 2000 г., был модернизирован в “капитализм для избранных” (подробнее см. [Лапин 2018^б]). В итоге большинство населения вновь, как и прежде, оказалось отчуждено от многих своих прав на создаваемые в обществе доходы. В чем же предпосылки и содержание этого факта?

Собственность как социальный институт и неоинституциональная теория прав собственности

Прежде всего следует уточнить смысл фундаментального термина “собственность”. Я полагаю, целесообразно исходить из того, что *собственность – это юридически оформленные отношения между людьми по поводу их прав на ограниченные блага, имеющие полезные для людей свойства*. Это сложный институт, интегрирующий социально-экономические и правовые отношения между гражданами на основе их Общественного договора. Через права собственности этот институт активно воздействует на социальные, политические, культурные, нравственные и иные отношения и институты общества. Начиная с Нового времени, он стал довлеющим по отношению к человеку, его культуре, социальной структуре и обществу в целом. Именно в это время утверждается капитализм, основанный на капитале как специфической, самовозрастающей форме собственности на средства производства. Капиталистическое, или буржуазное, общество – типовая модель учения Маркса об общественно-экономических формациях как структурах истории человечества, вырастающих по мере утверждения новых форм собственности.

С 60-х гг. XX в. в странах развитого капитализма, где начиналась его эволюция в постиндустриальную стадию, стала интенсивно развиваться неоинституциональная теория экономики, которая позволила более точно определить механизмы эффективного функционирования капиталистической и иных форм собственности. При этом значительное внимание было уделено *спецификации прав собственности* (собственников) как норм, регулирующих доступ к ограниченным ресурсам. Полный перечень этих прав был предложен в 1961 г. английским юристом А. Оноре и стал известен как “перечень Оноре”. Он включает 11 правомочий собственника:

- право владения: право абсолютного физического контроля над определенными благами;
- право использования: право применения имеющихся полезных свойств благ для себя;
- право управления: право решать, кто и как будет обеспечивать использование благ;
- право на доход: право обладать полученными результатами от использования благ;
- право суверена: право на потребление, изменение, отчуждение или уничтожение благ;
- право на безопасность: право на защиту от экспроприации благ, а также от вреда со стороны внешней среды;
- право на передачу благ по наследству;
- право на бессрочность обладания благом;
- запрет вредного использования: запрет использования блага таким способом, который наносит вред имуществу других экономических агентов;
- право на ответственность в виде взыскания: существование возможности на взыскание блага в счет уплаты долга;

– право на остаточный характер: право на наличие институтов и процедур, которые обеспечивают восстановление нарушенных полномочий [Honore 1961].

Значительный вклад в понимание экономической эффективности учета и использования прав собственности на уровне микроэкономики (фирм, компаний) внес Р. Коуз. Он показал, что «чем выше набор прав, связанных с данным ресурсом, тем выше его полезность... Именно на собственника падают все “плюсы” и “минусы” его деятельности... Государство вмешивается там, по мнению Коуза, где недостаточно специфицированы права собственности или произошло их размывание. Специфицировать – значит точно определить субъект и объект собственности и способ наделения ею. Неполнота спецификации равносильна размыванию прав собственности. Размывание прав собственности может происходить потому, что права собственности не точно установлены и плохо защищены или подпадают под разного рода ограничения (главным образом, со стороны государства)» [Нуреев 2010, с. 212]. В 1991 г. Коузу была присуждена Нобелевская премия по экономике за исследования по проблемам трансакционных издержек и прав собственности.

В неоинституционализме теория прав собственности была дополнена концепцией *оппортунистического поведения* агентов экономики. О. Уильямсон трактует это поведение как “стремление к личной выгоде с использованием коварства, включающего просчитанные усилия по сбиванию с правильного пути, обману, сокрытию информации и другие действия, мешающие реализации интересов организации. Оппортунистическое поведение следует отличать от простого эгоизма, когда индивиды играют в игру с фиксированными правилами, которым они безусловно подчиняются” (цит. по [Нуреев 2010, с. 190]). Такое поведение характеризует “гибридного человека”, который преследует свой собственный интерес с коварством, но без принуждения. В отличие от него, “институциональный человек” действует с коварством и принуждением. Аналогичное поведение может быть свойственно и действиям государственных институтов.

Институциональное отчуждение граждан СССР от собственности

В чем состояли права собственников в СССР? Их фундаментальные нормативно-правовые принципы были закреплены в Основном законе Советского Союза. В его последней редакции (ноябрь 1988 г.) раздел I содержал характеристику основ общественного строя и политики СССР. Во второй главе этого раздела, посвященной экономической системе, статьи 10–13 посвящены формам собственности.

В статье 10 *социалистическая собственность* утверждалась как основная. Она дифференцировалась на *государственную (общенародную)* и *колхозно-кооперативную*; к ней также было отнесено “имущество профсоюзных и иных общественных организаций”, которые не названы, но их было немало, включая КПСС. Отдельно утверждалась *личная собственность граждан*, которая, помимо предметов домашнего хозяйства (включая жилой дом) и трудовых сбережений, могла включать участки земли в пользовании граждан (статья 13). Фактически доминировала (свыше 90%) государственная собственность на основные средства производства.

Ответ на вопрос о правах собственников теоретически и нормативно (в действовавшем до 1995 г. Гражданском кодексе, в учебниках и пропагандистских материалах) сводился к трехчленной формуле: *владение, пользование, распоряжение*. Но в статьях 10–13 Конституции для каждой формы собственности приведен лишь термин “пользование”. В том числе в виде запрета: “Никто не вправе использовать социалистическую собственность в целях личной наживы и в других корыстных целях”. И добавлено: “Государство охраняет социалистическую собственность и создает условия для ее преумножения”. В отношении личной собственности определено, что ее основу составляют трудовые доходы, и фиксировано жизненно важное для каждого гражданина право ее наследования,

которое “охраняется государством”. Определен и социалистический запрет: “Имущество, находящееся в личной собственности, не должно служить извлечению нетрудовых доходов, использоваться в ущерб интересам общества”.

В Основном законе СССР право “владения” собственников соответствующими видами имущества *подразумевалось* по умолчанию. Право “распоряжения” основной, государственной, собственностью также прямо не определено. Однако фактически это право все же было охарактеризовано, но *лукаво-латентно*, в других разделах Основного закона. Так, в разделе IV при характеристике системы и принципов деятельности Советов народных депутатов сказано: “Советы народных депутатов непосредственно и через создаваемые ими органы руководят всеми отраслями государственного, хозяйственного и социально-культурного строительства, принимают решения, обеспечивают их исполнение, осуществляют контроль за проведением решений в жизнь” (статья 93). Вместо термина “распоряжение” употребляется не идентичный ему глагол “руководят”, близкий институциональному “праву управления”. Помимо того, сказано, что Советы руководят “отраслями государственного, хозяйственного и социально-культурного строительства”, а также “принимают решения, обеспечивают их исполнение” и “осуществляют контроль за проведением решений в жизнь”.

Все это относится к функциям управления, но... чем? Вместо терминов “собственность”, “имущество” или “благо” используется расплывчатый термин “строительство”. Он используется и в главах, где характеризуется деятельность народных депутатов (ст. 103). Создается впечатление, что именно депутаты распоряжаются собственностью, руководя и контролируя ее “строительство”. В отношении Верховного совета СССР прямо сказано, что это “постоянно действующий законодательный, распорядительный и контрольный орган государственной власти СССР” (ст. 111), который осуществляет “законодательное регулирование отношений собственности, организации управления народным хозяйством” (ст. 113, п. 7). Наряду с этим, в том же разделе в главе о Совете Министров СССР в отношении права распоряжения сказано почти то же самое, что и о Верховном Совете СССР, что он “является высшим исполнительным и распорядительным органом государственной власти СССР”. Правда, этот “высший” статус ограничен тем, что Совет Министров отчитывается о своей работе перед Верховным Советом (ст. 130) и издает постановления и распоряжения “на основе и во исполнение законов СССР и иных решений Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР” (ст. 133). И конкретизировано: он “обеспечивает руководство народным хозяйством и социально-культурным строительством” (ст. 131, п. 1).

Однако совсем иные смыслы в статус прав собственности, как и многих других положений, вносила статья 6 Конституции СССР, вставленная в Основной закон в 1977 г. и гласившая: “Руководящей и направляющей силой советского общества, ядром его политической системы, государственных и общественных организаций является Коммунистическая партия Советского Союза. КПСС существует для народа и служит народу”. Тем самым партия конституировалась как все и всех контролирующая и никем не контролируемая сила. Этим снижалось или вовсе становилось ничтожным правовое значение многих положений Основного закона. Неявно и права собственности подпадали под контроль КПСС.

Таким образом, вместо точной спецификации использовалась терминология, заключавшая двойное лукавство: сначала (в статье 6 раздела I) утверждался тотальный контроль со стороны КПСС как руководящей и направляющей силы, которая существует для народа и служит народу, а затем (в статьях раздела IV) вводились размытые термины о формах собственности и функциях органов власти. Это позволяло представлять вполне законным и даже наиболее “прогрессивным” **факт тотального отчуждения рядовых граждан от их участия в правах собственности на национальное имущество**: государственной собственностью, которая объявлялась “общенародной”, *реально распоряжалась* партийная

и административная номенклатура (работники партийных органов, руководители министерств, ведомств и назначенные ими госслужащие), ограниченная лишь решениями ЦК КПСС, а непосредственно использовали собственность на средства производства и управляли ею директора и другие руководители, находившиеся под контролем партийных органов. Лишь в колхозах и кооперативах оставались элементы коллективного распоряжения, но тоже под контролем КПСС и с обязательностью исполнения решений партийных органов.

Все это означало, что в СССР с помощью лукавых процедур было узаконено отчуждение народа, большинства граждан от реального участия в осуществлении прав собственности на национальное имущество, именуемое общенародной собственностью, и от доходов, создаваемых при использовании этой собственности, прежде всего средств производства.

Перестройка “сверху” и упущенная возможность преодолеть отчуждение “снизу”

Перестройка, инициированная “сверху”, была нацелена на трансформацию сложившегося в СССР “развитого” социализма в иной строй, похожий на социал-демократический. Но ей не суждено было осуществиться. Причин тому много, но думаю, главную сформулировал еще Ю. Андропов, вступив в должность Генерального секретаря ЦК КПСС. Тогда многим запомнились его слова, удивительные для идеологической атмосферы того времени, что “мы не знаем общества, в котором живем”. То есть глава страны признавался в недостатке знаний о той сложной реальности, которую, а это было уже ясно, нужно было менять и, тем более – об адекватных способах ее изменения. А через несколько лет и инициатору преобразований М. Горбачеву, и “прорабам” перестройки недоставало решительности в осуществлении собственных намерений, поддерживавшихся “снизу”.

В этой связи напомню, что приведенные выше положения, в том числе статья о неограниченной власти КПСС, сохранялись в редакции Конституции СССР, утвержденной на внеочередной сессии Верховного Совета СССР в ноябре 1988 г. Это был, по компетентной оценке экспертов Горбачев-Фонда, “переломный период” перестройки (см. [Прорыв 2005, табл. с. 22–23]). После XIX партийной конференции КПСС (июнь 1988 г.) уже стала массово очевидной, в том числе для многих членов партии, необходимость отказа от единовластия КПСС и радикального изменения ее функций, но эта задача не была решена. В. Медведев, который в то время был членом Политбюро ЦК КПСС, в цитируемой книге Горбачев-Фонда со знанием дела впоследствии отметил: “Мне кажется, все дело в том, что для партии не было найдено ее места в новой общественной системе после того, как государственные функции перешли из ее рук к тем, кому они должны принадлежать, – представительным и исполнительным органам государственной власти” [Медведев 2005, с. 16].

Переопределение места партии в жизни общества представляло собой не ординарную, а синергично сложную задачу. В ходе перестройки выявились необходимость и возможность решения этой задачи, поскольку к тому времени в России началось *возрождение рабочего движения* как попытки массового преодоления самоотчуждения *снизу*. Как впоследствии показали Л. Гордон и Э. Клопов, массовая поддержка перестройки сложилась в связи с проведением XIX партийной конференции (лето 1988 г.) и выборами народных депутатов СССР (весна 1989 г.). В Москве и других городах стали возникать рабочие клубы и другие независимые рабочие организации. Летом 1989 г. “разразилась забастовочная гроза” шахтеров Кузбасса.

С 10 по 17 июля количество не работавших предприятий в Кемеровской области увеличилось с 1 до 167, а число бастовавших рабочих – до 181 тысячи. Их поддержали

шахтеры Донбасса, Караганды и других угольных бассейнов, всего – более полумиллиона рабочих. 16 июля 1989 г. на конференции забастовочных комитетов была оглашена телеграмма М. Горбачева и Н. Рыжкова (председателя Совета министров СССР) о том, что в Кузбасс направляется правительенная комиссия высокого уровня, которой даны полномочия вести переговоры и принимать на месте практические меры по неотложным вопросам развития региона. Уже в ночь с 17 на 18 июля начались переговоры между комиссией и региональным стачечным комитетом, а утром было сообщено, что по всем основным вопросам достигнуто соглашение, днем был подписан протокол и стачка пошла на убыль.

Но, несмотря на это, в целом рабочее движение нарастало. В сентябре 1989 г. был создан Союз трудящихся Кузбасса за демократическую перестройку. Он принял Устав, содержащий тезис: “Длительное существование одной партии причинило нашему обществу большой вред, поскольку всякая монополия ведет к застою”. В апреле 1990 г. в Новокузнецке состоялся Съезд рабочих СССР, на котором была создана Конфедерация труда – общественно-политическое объединение независимых рабочих движений и организаций трудящихся для их консолидации и взаимопомощи по защите прав, свобод и интересов трудящихся, по образованию общества на началах демократии, гуманизма и социальной справедливости [Гордон, Клопов 1997, с. 466–483].

Считаю важным отметить, что подъем рабочего движения, повышение уровня его политического сознания и организованности в борьбе за свои права произошел в сентябре 1989 – июне 1990 гг., то есть *на пике переломного периода перестройки*: после I съезда народных депутатов СССР и во время выборов республиканских органов власти, когда происходила реорганизация политической системы, разделение государственных и партийных функций, передача всей полноты власти Советам, формирование консервативной оппозиции в партии и радикальной оппозиции в обществе. В марте 1990 г., на III, внеочередном, съезде народных депутатов СССР была отменена 6-я статья Конституции СССР о руководящей роли КПСС, а в октябре 1990 г. принят закон СССР “Об общественных объединениях” и признана многопартийность. Однако политическое значение возрождения рабочего движения *не было оценено должным образом* “прорабами перестройки”, демократическим движением.

Сейчас, через 30 лет, несложно понять роковое значение такой недооценки. Немало сторонников Горбачева считают, что именно в этот, переломный период перестройки возникли предпосылки “цивилизованного развода” КПСС на два крыла и превращения одного из них, перестроичного, во главе с архитектором перестройки, в “современную доминантную партию” социал-демократического типа, а другого – в традиционную коммунистическую. “Опираясь на президентство и доминантную партию, реформаторы могли спокойно выходить на выборы в Верховные Советы и другие представительные органы, не боясь смертельно опасного прорыва антисистемных сил”, – полагает составитель цитированного сборника Горбачев-Фонда [Кувалдин 2005, с. 103–104]. А один из зарубежных сторонников российской перестройки, профессор С. Коэн еще более определенно высказываеться в пользу такого варианта. “Раскол гигантской Коммунистической партии на две оппозиционных, как еще в 1985 г. тайно предлагал (и до сих пор в этом убежден) сподвижник Горбачева Александр Яковлев, был бы самым надежным и быстрым способом создания в СССР многопартийной системы, причем более прочной, чем та, что существовала в постсоветской России в начале XXI века... (Опираясь на данные одного закрытого исследования, Горбачев был уверен, что в новую партию за ним бы последовало, по меньшей мере, 5–7 миллионов членов КПСС)” [Коэн 2005, с. 34–35].

Весьма вероятно, что решение о “цивилизационном разводе” внутри КПСС было бы не просто верным, но *конструктивным историческим решением*, которое могло бы прорвать

закрытую капсулу тоталитарного общества и трансформировать социал-демократическое крыло КПСС в движущую силу, которая могла (бы) перевести Россию на более эффективную траекторию **рефлексивного, демократического саморазвития**.

Недооценка возрождения рабочего движения повлияла и на исход противоборства М. Горбачева и Б. Ельцина. После вынужденного удовлетворения требований шахтеров Кузбасса правительство СССР не желало вступать в переговоры с исполнкомом Независимого профсоюза горняков относительно заключения генерального типового тарифного соглашения. В ответ лидеры шахтерского движения в феврале 1991 г. заявили, что их вынуждают “пойти на крайние меры”. А еще до этого шахтеры Воркуты потребовали отставки правительства СССР. Это требование стало главным лозунгом политической забастовки 11 июля 1991 г., посвященной годовщине первой шахтерской стачки [Гордон, Клопов 1997, с. 478–498].

Это снижало доверие к Горбачеву, создавало предпосылки для переориентации шахтерского движения в поддержку Председателя Верховного Совета РСФСР Ельцина, который все более олицетворял антитоталитарное, общедемократическое народное движение. В июле 1990 г. Ельцин встретился в Москве с представителями Совета рабочих комитетов Кузбасса, а в августе, во время визита в Кузбасс, подписал соглашение о совместных действиях по проведению экономической реформы в республике и регионе, демократизации общественной жизни, деполитизации органов МВД, КГБ, армии, суда, прокуратуры, народного образования. На встрече с расширенным составом Совета Ельцин выразил благодарность за поддержку, которую ему оказывают рабочие комитеты, и заявил, что, в свою очередь, всемерно поддерживает рабочее движение [Гордон, Клопов 1997, с. 486].

Вряд ли надо пояснять, чьи действия по отношению к возрождавшемуся рабочему движению были более эффективными в борьбе за сохранение и укрепление своей политической власти. А результатом стал самораспад КПСС и СССР.

Гибридный транзит к “капитализму для избранных” и латентная суть нового отчуждения собственности

Распад КПСС и СССР означал для России **разрыв** ее со своим имперским и партийно-административно-социалистическим прошлым. Перед Россией открывались перспективы **новой эпохи – эпохи гуманистической антропосоциокультурной трансформации**: как страны, общества, цивилизации.

Однако вскоре выяснилось, что постсоциалистическая Россия фактически осуществляла с 1992 г. *переход-transit* не к новому для нее типу общества, а к уже существовавшему со второй половины XIX в. буржуазному обществу. Преобразования стали *возвратом* (реверсией) к своему, но утраченному прошлому, которое воспринималось в упаковке *современных западных институтов*, то есть возврат имел *гетерогенное* (и “свое”, и “чужое”) происхождение. Поэтому вернее будет назвать этот *гибридный* процесс *реверсивно-гетерогенным переходом*, или *гибридным транзитом*.

На первой стадии “шоковой терапии” (1990-е гг.) это был радикальный транзит, породивший так называемый “бандитский капитализм”. После дефолта 1998 г. либералы сменили тактику радикального транзита на *эволюционно-лукавую его модернизацию* в направлении “капитализма для избранных” (подробнее см. [Латин 2018^b]).

В условиях обострившихся противоречий по инициативе президентской стороны был подготовлен и начал действовать “Договор от 28 апреля 1994 года об общественном согласии” сроком на два года. Он открывался разделом “Достижение политической стабильности в обществе”, первый параграф которого включал такие обязательства: “Участники Договора обязуются в своей деятельности строго придерживаться приоритета прав и сво-

бод человека, уважения прав народов, принципов демократии, правового государства, разделения властей, федерализма. Участники Договора исходят из того, что политическая жизнь общества должна развиваться в рамках Конституции Российской Федерации. Участники Договора считают, что в Конституцию должны вноситься только такие изменения, которые будут способствовать стабилизации обстановки в обществе. При этом Участники Договора в ходе подготовки предложений будут использовать согласительные процедуры. Участники Договора считают основными направлениями изменения Конституции: усиление гарантий прав человека, совершенствование системы разделения властей, местное самоуправление, развитие федерализма. Участники Договора берут на себя обязательство не инициировать политических кампаний с целью проведения досрочных, не предусмотренных Конституцией, выборов федеральных органов власти» (Российская газета, 29 апреля 1994 г.).

Договор обязывал федеральные и региональные органы власти, представителей политических, деловых, религиозных и других организаций избегать насилия, вести диалог, искать разумные компромиссы, чтобы «сделать Российскую Федерацию процветающим государством», хотя о содержании желаемого согласия было сказано весьма неопределенно. В целом договор сыграл позитивную роль в стабилизации политической ситуации. Но социально-экономическое положение населения продолжало резко ухудшаться: снижался жизненный уровень трудящихся, расширялась пропасть между ними и верхами общества. Гуманистически ориентированные обществоведы, опираясь на сформулированный в новой Конституции РФ принцип социального государства и совокупность политических прав человека, усилили аргументацию в пользу *одновременного* утверждения в России и первого, и второго поколений прав человека – гражданско-политических и социально-экономических. Более того, поскольку «отставание массового правосознания образует сегодня одно из главных препятствий становления российской демократии <...> не исключено, что в России социально-экономические права человека станут «спусковым механизмом» и ускорителем массового распространения идеологии прав человека и правосознания в целом» [Гордон 1997, с. 12, 14].

К настоящему времени проблема утверждения социально-экономических прав человека в России приобретает новое, более конкретное, собственно *экономическое* содержание. Сложились, как минимум, три группы факторов, которые свидетельствуют, что в основном исчерпан потенциал гибридного транзита. Во-первых, застарелые проблемы не решаются, а воспроизводятся. Во-вторых, возникли новые, не менее опасные проблемы. В-третьих, на современном этапе глобального развития Россия оказалась перед новыми большими цивилизационными вызовами (по Тойнби, способность ответить на такие вызовы свидетельствует о жизнеспособности цивилизаций, а неспособность ведет к их гибели). Пока видны предпосылки для достойного ответа на эти вызовы в оборонно-технической сфере, но не в социально-экономической и не в области человеческого потенциала и качества жизни населения. Неспособность к достойным ответам на большие цивилизационные вызовы создает опасные риски существованию России.

Словом, нарастает потребность в переходе от гибридного транзита к гуманистической, антропосоциокультурной трансформации, адекватной условиям России и необходимой для успешного ее саморазвития. Теперь это должна быть не реверсивная, а прогрессивная эволюция, не гетерогенная, а гомогенная. Следовательно, сохраняется задача *выбора способов трансформации* российского общества. Требуются интеллектуальные и иные усилия, чтобы этот переход действительно стал **началом новой эпохи России**, возможность которой возникла с распадом СССР.

Неоинституциональные концепции общественного выбора и проблема снятия отчуждения граждан России от их права на участие в доходах от использования национального имущества

Близится треть века с начала постсоциалистической трансформации России. В полноценную трудовую и общественную жизнь вступили поколения, которые знают о жизни в условиях “развитого социализма” лишь понаслышке – из впечатлений родственников, из учебников по истории, художественных произведений и других источников. Они включены в иную реальность и именно в ней должны делать выбор перспектив. Чем могут помочь этим поколениям философские, экономические, социологические и иные социогуманитарные науки в выборе их будущего?

В рамках неоинституционализма разработаны несколько вариантов теорий *общественного выбора* (public choice), то есть экономически обоснованного выбора институтов будущего, который могут осуществить граждане, народ (подробнее см. [Нуреев 2005]). Это прежде всего немецкая либеральная “теория порядка” (Ordoliberalism: от В. Ойкена до Л. Эрхарда), или социального рыночного хозяйства, на основе которой в послевоенные годы возникло так называемое “немецкое чудо” (см.: [Социальное… 2017]). Далее, это конституционная экономика, возникшая в США в 60-е гг. XX в. по инициативе академических ученых, которые “сформулировали набор фундаментальных правил, регулирующих рыночное хозяйство (рыночные правила игры), и потребовали их конституционного закрепления”; “теория порядка и конституционная экономика… предстают как учения, ориентированные на человека, его свободу, социальную защиту, как учения, открывающие путь к свободному, экономически эффективному, устойчиво саморазвивающемуся обществу” [Нуреев 2010, с. 115, 238].

Здесь уместно вспомнить концепцию Дж. Бьюкенена, который, в отличие от Ф.Хайека, пришел к выводу о необходимости разграничения и согласования двух основных функций государства: защищающей и производящей [Бьюкенен 1997]. А в ходе эволюции политической науки возникла теория политических коалиций, ориентированная на поиск равновесия групп интересов (М. Олсон).

Неоинституциональное понимание прав собственности предполагает, что существуют три ее системы: частная (индивидуальная), общая (коммунальная), государственная (коллективная). В соответствии с нормами стран западной цивилизации, наиболее эффективна частная система. Но применительно к странам иных цивилизаций этот вывод нуждается в существенных коррективах.

В постсоциалистическом российском обществе спонтанно возникло **новое отчуждение** большинства населения от права участия в доходах от использования национального имущества в качестве его совладельцев. Сам факт и механизмы этого отчуждения некоторое время оставались неясными. Этой неясности способствовали организаторы шоковой терапии, которые первое время воздерживались от публичного использования термина “транзит к капитализму”. Так, в статье 8 Конституции Российской Федерации внимание сконцентрировано на “свободе экономической деятельности” и признании (а также “равным образом” защите) “частной, государственной, муниципальной и иных форм собственности”, но без спецификации прав этих форм. В следующей статье 9 записано: “1. Земля и другие природные ресурсы используются и охраняются в Российской Федерации как основа жизни народов, проживающих на соответствующей территории. 2. Земля и другие природные ресурсы могут находиться в частной, государственной, муниципальной и иных формах собственности”. Действительно, различные виды природных ресурсов являются “основой жизни народов, проживающих на соответствующей территории”. Но кто же является их собственником, а главное – кто имеет право на доходы от использования этой собственности?

Можно сказать, что традиционный **дефект либеральных конституций** (не только России, но и других стран) – признание субъектами собственности юридических лиц и рассмотрение физических лиц только как индивидов. Вопреки Ж.-Ж. Руссо, обосновывавшего в качестве *суверена* именно *народ*, в большинстве конституций признается за населением (народом, избирателями) роль субъекта лишь **политических и социально-культурных**, но не экономических прав. И в преамбуле российской Конституции признано, что сам “многонациональный народ” принял ее как Основной закон, в котором сформулирован *Общественный договор народа* (сообщества граждан Российской Федерации, или ее гражданского общества) о правилах своего жизнеустройства, включая правила взаимоотношений с государственной властью и правила действий этой власти, – по умолчанию, действий в интересах народа.

Вместе с тем в Гражданском кодексе РФ, в статье 125 (части 1 и 2) акцентировано, что “от имени” Российской Федерации и ее субъектов могут приобретать и осуществлять имущественные и личные неимущественные права “органы государственной власти” и “органы местного самоуправления”, в рамках их компетенции. Эти формулы поддерживают представления как населения, так и служащих органов власти, будто в Российской Федерации конституционно вновь закреплено самоотчуждение населения от права на участие в доходах от использования природных и иных ресурсов, находящихся на занимаемой населением “территории”, а такими правами якобы обладают лишь **органы государства и муниципалитетов**.

В то же время в статье 124 Гражданского кодекса отмечено, что Российская Федерация, ее субъекты и муниципальные образования выступают в отношениях, регулируемых гражданским законодательством, “на равных началах” с иными участниками этих отношений – гражданами и юридическими лицами. А в части 3 статьи 125 ГК РФ добавлено, что в случаях и порядке, предусмотренных федеральными законами, указами Президента Российской Федерации и постановлениями Правительства РФ, нормативными актами субъектов РФ и муниципальных образований, “по их специальному поручению от их имени” могут выступать “также юридические лица и граждане”.

Однако остается неясным, могут ли граждане (население) иметь имущественные права и обязанности в отношении доходов от использования природных и иных ресурсов той административной территории, на которой они проживают. И что считать такой территорией – территорией муниципального образования, или субъекта Федерации, или же всю территорию Российской Федерации?

Устаревшая трехчленная формула прав собственности воспроизведена в российской Конституции в главе 2 “Права и свободы человека и гражданина”, в статьях 35 и 36. Первая из них посвящена общей характеристике субъектов прав частной собственности: “Каждый вправе иметь имущество в собственности, владеть, пользоваться и распоряжаться им как единолично, так и совместно с другими лицами”. Здесь же гарантировано жизненно важное для каждого гражданина право наследования, представляющее собой одно из приведенных выше 11 специфицированных прав собственности. В статье 36 о праве собственности граждан и их объединений на землю и другие природные ресурсы вновь воспроизведена трехчленная формула: “собственник имеет право на владение, пользование и распоряжение”. Эта триединая формула сохранилась и в действующем Гражданском кодексе РФ, принятом в середине 1990-х гг.¹.

Проблема спецификации **экономических прав** народа (населения государства, совокупности членов общества) как физического и одновременно юридического лица, **экономи-**

¹ В первой части Гражданского кодекса РФ, которая была принята Государственной думой в 1994 г. и действует, раздел о праве собственности открывается статьей 209, в которой сказано: “1. Собственнику принадлежат права владения, пользования и распоряжения своим имуществом”.

ческого субъекта, прежде всего прав на участие в доходах от использования национального имущества, имеет фундаментальное значение, а ее решение требует научного и общественного дискурса. Сохранение (по умолчанию) неясности в решении этой проблемы будет все больше отделять либеральную идею от ее демократического содержания. Поэтому сегодня желательно выяснить **возможность утверждения существенного расширения понятия прав человека**: не только социально-политических и социально-культурных прав, но и собственно **экономических** прав каждого гражданина (“совместно с другими лицами”, в том числе в масштабе “народов, проживающих на соответствующей территории”, и в масштабе “многонационального народа”), выработать механизмы, дающие людям возможность стать субъектами, имеющими право участвовать в национальных доходах, то есть в доходах от использования национального имущества. Не заложен ли здесь ресурс для желаемого наполнения действующей Конституции новым жизненным содержанием?

Два забытых проекта постсоциалистических изменений

В этой связи следует вспомнить о проектах, которые в свое время были предложены российскими учеными. Я имею в виду два “манифеста” академиков РАН – экономический и правовой (“цивилистский”). Они были опубликованы одновременно: в тысячелетне-рубежном, 2000-м г. [Львов 2000; Нерсесянц 2000]. Думаю, оба эти проекта незаслуженно забыты. Они должны быть заново рассмотрены, скорректированы и интегрированы в современный дискурс о будущем России.

Напомню, в начале текущего столетия академик Д. Львов, опираясь на результаты расчетов профессора В. Пугачева, показал, что структура доходов российского бюджета, формировавшихся на основе налоговой системы, созданной в 1990-е гг. по правилам западных стран (труд = 70%, капитал = 17-20%, рента = 10-13%), была **противоположна** реальной структуре доходов новой России (труд = 5%, капитал = 20%, рента = 75%). Академик Львов привел эти данные в докладе на заседании Президиума РАН в феврале 2002 г. и предложил правительству привести структуру источников доходов бюджета в соответствие с реальной структурой источников доходов [Львов 2002].

Это не было сделано. С тех пор в налоговой системе произошли изменения. Насколько они существенны? Какие теперь имеются пропорции? Ответы на эти вопросы крайне важны для обоснования более эффективной социальной политики российского государства как социального.

В. Нерсесянц предложил концепцию-проект цивилизма как нового, постсоциалистического типа общества. В “Манифесте о цивилизме”, резюмируя содержание своих публикаций за предшествующие 10 лет, он обосновывал такие положения: **“С позиций права – все граждане – наследники социалистической собственности в равной мере и с равным правом.** И за каждым гражданином должно быть признано право на равную для всех граждан долю во всей десоциализированной собственности”. Согласно такому пониманию, прежняя социалистическая собственность должна быть “преобразована в индивидуализированную гражданскую собственность, и каждый гражданин станет обладателем реального субъективного права на равный для всех минимум собственности. Помимо и сверх этого нового субъективного права каждый будет иметь право на приобретение любой другой собственности – без ограничительного максимума” (выделено мной. – Н. Л.) [Нерсесянц 2000, с. 21].

Несмотря на неоднократные публикации и даже попытку академика убедить Ельцина в личной беседе в важности своей концепции, цивилистский проект не получил поддержки. Но он не утратил привлекательности как одна из альтернатив корпоративно-олигархическому “капитализму для своих”. В настоящее время, спустя много лет после ликвидации социалистической собственности, полезно обратить внимание

на то, что Нерсесянц в фундаментальной монографии “Философия права” (1997 г.) предложил и более широкое обоснование цивилизма – на основе не только “постсоциалистической”, но и более широкой концепции “**гражданской (цивильной, цивилитарной) собственности**” на средства производства, которая должна быть сформирована в рамках цивилитарного права [Нерсесянц 1997, с. 336–337] на основе юридической концепции **общего блага**.

Академик понимал **благо** не в широком, философско-этическом смысле², а конкретно-научно – как “**юридически квалифицированный интерес** (притязание, воля и т.д.)” [Нерсесянц 1997, с. 70]. Опираясь на специальные исследования истории права, академик заключил: «Понятие “общего блага” относится к числу фундаментальных идей и принципов всей европейской социальной, политической и правовой культуры. Сам термин “*bonum commune*” (общее благо), утвердившийся в средние века, встречается впервые у **Сенеки**» [Нерсесянц 1997, с. 68]. Общее благо членов данного сообщества – это “благо всех его членов”, оно возникает “на основе естественноправового (и, следовательно, общесправедливого) признания блага каждого” путем “выявления, согласования, признания и защиты различных, во многом противоречащих друг другу интересов, притязаний, воли членов данного сообщества в качестве их блага, возможного и допустимого с точки зрения единой и равной для всех правовой нормы” [Нерсесянц 1997, с. 69–70]. «Для признания, реализации и защиты такой концепции общего блага объективно необходимы... общая власть (государство) и общеобязательные законы, соответствующие тем же всеобщим требованиям естественного права и естественноправовой справедливости. При этом государство, выраждающее и защищающее общее благо, представляет собой “дело народа” (*res populi*) и одновременно “общий правопорядок”». Подытоживая результаты своих многолетних исследований, Нерсесянц заключил: “В целом можно сказать, что **общее благо – это основа, смысл и парадигма правового типа организации социально-политического сообщества людей как свободных и равноправных субъектов...** **Право и есть принцип и порядок человеческого блага – индивидуального и общего**” [Нерсесянц 1997, с. 69, 72].

Отсюда можно заключить, что субъектами общего блага являются *индивидуы* не только как **частные лица**, но и как **члены общества – граждане** (физические лица) и их **организации** (юридические лица). Соответственно, те и другие “лица” и их совокупности, в том числе **каждый гражданин** общества как государственно организованного сообщества индивидов, могут рассматриваться и как субъекты прав собственности, имеющие право на равную долю доходов от использования национального имущества как общего блага. Отмечу, что недавно новые аргументы в пользу цивилизма привела В. Лапаева [Лапаева 2018].

Оппоненты экономического и цивилистского “манифестов” утверждали, что для реализации предложений академиков требуются существенные изменения Конституции РФ. Но время показало, что заложенные в ней принципы достаточно широки и могут быть наполнены новым жизненным содержанием [Зорыкин 2018]. На мой взгляд, такое наполнение требуется для решения фундаментальной проблемы **легитимации прав народа, населения на участие в доходах** от использования национального (народного) имущества, прежде всего земли и других природных ресурсов, без изменения существующего распределения собственности на имущество. Возможно, для признания такого права, как **цивилистского**, то есть присущего каждому гражданину России, учитывая неоинституциональное обоснование отдельного права на доход, совсем не требуются изменения

² Попытка конструирования учения о благах (греч. *аяфо*’*u*, лат. *agatha*) как философской субдисциплины предпринята в 2014 г. доктором философских наук, профессором В. Шохиным в монографии “*Агатология: современность и классика*”. В ней показана сложная иерархия благ, уяснение которой стало предметом двухтысячелетней работы классиков философии.

в Конституции. Не исключено, что достаточно будет современного толкования положений Основного закона Конституционным судом и внесения Законодательным собранием РФ соответствующих изменений в Гражданский кодекс РФ.

Это создало бы **новые стимулы заинтересованности всех граждан в эффективном использовании национального имущества**, повышения их участия в контроле за таким использованием и в противодействии коррупции. И в целом содействовало бы повышению активности *гражданского общества* в его саморазвитии к реальному гуманизму, существенно повысило бы конкурентные преимущества России в ее утверждении на передовых позициях в современном мире. По этим дискуссионным проблемам мне (и не только мне) хотелось бы услышать суждения юристов, экономистов и других специалистов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бьюкенен Дж.М. (1997) Границы свободы. Между анархией и Левиафаном // Бьюкенен Дж. М. Сочинения. М.: Таурус Альфа.
- Гордон Л.А. (1997) Социально-экономические права человека: содержание, особенности, значение для России // Общественные науки и современность. № 3. С. 5-14.
- Гордон Л.А., Клопов Э.В. (1997) Возрождение рабочего движения в России. Вторая половина 80- – начало 90-х годов // Советское общество: возникновение, развитие, исторический финал. В 2 т. Т. 2. Апогей и крах сталинизма. Под общ. ред. Ю.Н. Афанасьева. М.: РГГУ. С. 445–508.
- Зорькин В. (2018) Буква и дух Конституции // Российская газета. 9 октября.
- Коэн С. (2005) Можно ли было реформировать советскую систему? // Прорыв к свободе: О перестройке двадцать лет спустя (критический анализ). М.: Альпина Бизнес Букс. С. 24–45.
- Кувалдин В.В. (2005) Три развилики горбачевской перестройки // Прорыв к свободе: О перестройке двадцать лет спустя (критический анализ). М.: Альпина Бизнес Букс. С. 88–110.
- Лапаева В.В. (2018) Социализм как закономерный этап всемирно-исторического процесса: с позиций концепции цивилизма В.С. Нерсесянца // Вопросы философии. № 7. С. 44–56.
- Лапин Н.И. (2018^б) Гибридный транзит и потребность в “модернизации для всех” // Вестник Института социологии. № 4. С.105–136.
- Лапин Н.И. (2018^а) Молодой Маркс: концепт реального гуманизма – генезис, общедемократический потенциал, перспективы // Философия и идеология от Маркса до постмодерна. Отв. ред. К.А. Гумейнов, В.А. Рубцов. М.: Прогресс-Традиция. С. 255–274.
- Львов Д.С. (2002) Концепция управления национальным имуществом. М.: Институт экономических стратегий.
- Львов Д.С. (2000) Экономический манифест: будущее российской экономики. М.: Экономика, 2000.
- Маркс К. (1955) Письма из Deutsch-Französische Jahrbücher // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 1. С. 371–381.
- Медведев В.А. (2005) У перестройки был свой шанс // Прорыв к свободе: О перестройке двадцать лет спустя (критический анализ). М.: Альпина Бизнес Букс. С. 8–23.
- Нерсесянц В.С. (2000) Национальная идея во всемирно-историческом прогрессе равенства, свободы и справедливости. Манифест о цивилизме. М.: Норма.
- Нерсесянц В.С. (1997) Философия права. М.: ИНФРА; Норма.
- Нуреев Р.М. (2010) Очерки по истории институционализма. Ростов-на-Дону: Содействие – XXI век.
- Нуреев Р.М. (2005) Теория общественного выбора. М.: ГУ ВШЭ.
- Прорыв к свободе: О перестройке двадцать лет спустя (критический анализ) (2005). М.: Альпина Бизнес Букс.
- Социальное рыночное хозяйство. Основоположники и классики (2017). М.: Весь мир.
- Honoré A.M. (1961) Ownership // Oxford essays in jurisprudence / ed. by A.W. Guest. Oxford: Oxford Univ. Press. Pp. 112–128.

REFERENCES

- Buchanan J.M. (1997) *Granici svobody. Mezhdju anarhiey i Leviathanom* [The Limits of Freedom. Between Anarchy and Leviathan]. Buchanan J.M. *Sochineniya* [Works]. Moscow: Taurus Alfa.
- Gordon L.A. (1997) *Sotsial'no-ekonomicheskie prava cheloveka: soderzhanie, osobennosti, znachenie dlya Rossii* [Socio-economic human rights: content, features, significance for Russia]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no. 3, pp.5–14.
- Gordon L.A., Klopov E.V. (1997) *Vozrozhdenie rabochego dvizheniya v Rossii. Vtoraya polovina 80-h – nachalo 90-h godov* [Revival of the labor movement in Russia. The second half of the 80 – the beginning of the 90s]. *Sovetskoe obshchestvo: vozniknovenie, razvitiye, istoricheskiy final. V 2. t. T. 2. Apogey i krah stalinizma*. Pod obsch. red. YU.N. Afanasyeva [Soviet society: the emergence, development, historical final. In 2 v. V. 2. The apogee and the collapse of Stalinism. Ed. By Yu.N. Afanasyev]. Moscow: RGGU, pp. 445–508.
- Honoré A.M. (1961) Ownership. *Oxford essays in jurisprudence*. Ed. by A.W. Guest. Oxford: Oxford Univ. Press, pp. 112–128.
- Kohen S. (2005) *Mozhno li bylo reformirovat sovetskuyu sistemу?* [Was it possible to reform the Soviet system?]. *Proryv k svobode: O perestroyke dvadtsat let spustya (kriticheskiy analiz)* [Breakthrough to freedom: On restructuring twenty years later (critical analysis)]. Moscow: Alpina Biznes Buks, pp. 24–45.
- Kuvaldin V.V. (2005) *Tri razvilkii gorbachevskoy perestroyki* [Three forks of Gorbachev's perestroika]. *Proryv k svobode: O perestroyke dvadtsat let spustya (kriticheskiy analiz)* [Breakthrough to freedom: On restructuring twenty years later (critical analysis)]. Moscow: Alpina Biznes Buks, pp. 88–110.
- Lapaeva V.V. (2018) *Socializm kak zakonomerniy etap vsemirno-istoricheskogo processa: s poziciy konsepcii civilizma V.S. Nersesyantca* [Socialism as a natural stage of the world-historical process: from the standpoint of the V.S. Nersesants' concept of civilism]. *Voprosi filosofii*, no. 7, pp. 44–56.
- Lapin N.I. (2018^a) *Gibridniy tranzit i potrebnost v modernizacii dlya vseh* [Hybrid Transit and the Need for “Modernization for All”]. *Vestnik Instituta sociologii*, no. 4, pp. 105–136.
- Lapin N.I. (2018^a) *Molodoy Marks: koncept realnogo gumanizma genezis, obschedemokraticheskiy potencial, perspektivi* [Young Marx: the concept of real humanism – the genesis, the general democratic potential, prospects]. *Filosofiya i ideologiya ot Marksа do postmoderna*. Otv. red. K.A. Gumeynov, V.A. Rubcov [Philosophy and ideology from Marx to postmodern. Ed. by K.A. Guumeinov, V.A. Rubtsov]. Moscow: Progress-Tradiciya, pp. 255–274.
- Lvov D. (2000) *Koncepciya upravleniya nacionalnim imushestvom* [The concept of national property management]. Moscow: Institut ekonomicheskikh strategii.
- Lvov D.S. (2000) *Ekonomicheskiy manifest: budushchee rossiyskoy ekonomiki* [Economic Manifesto: The Future of the Russian Economy]. Moscow: Ekonomika, 2000.
- Medvedev V.A. (2005) *U perestroyki bil svoy shans* [Perestroika had its chance]. *Proriv k svobode: O perestroyke dvadcat let spustya (kriticheskiy analiz)* [Breakthrough to Freedom: About Perestroika twenty years later (critical analysis)]. Moscow: Alpina Biznes Buks, pp. 8–23.
- Nersesyants V.S. *Filosofiya prava* [Filosophy of Law]. Moscow: INFRA; Norma.
- Nersesyants V.S. (2000) *Nacionalnaya ideya vo vsemirno-istoricheskem progrese ravenstva, svobody i spravedlivosti. Manifest o civilizme* [National Idea in the World History Progress of Equality, Freedom and Justice. The manifesto of civilism]. Moscow: Norma.
- Nureev R.M. (2010) *Ocherki po istorii institucionalizma* [Essays on the history of institutionalism]. Rostov-na-Donu: Sodeystvie XXI vek.
- Nureev R.M. (2005) *Teoriya obshchestvennogo vybora* [Public Choice Theory]. Moscow: GU VSHE.
- Proriv k svobode: O perestroyke dvadcat let spustya (kriticheskiy analiz) (2005) [Breakthrough to freedom: On restructuring twenty years later (critical analysis)]. Moscow: Alpina Biznes Buks.
- Socialnoe rynochnoe hozyaystvo. Osnovopolozhni i klassiki* (2017) [Social market economy. Founders and classics]. Moscow: Ves' mir.
- Zorkin V. (2018) *Bukva i duh Konstitucii* [The letter and spirit of the Constitution]. *Rossiyskaya gazeta*, 09 oktyabrya.